

Великий и простодушный

К 75-летию Михаила Ульянова

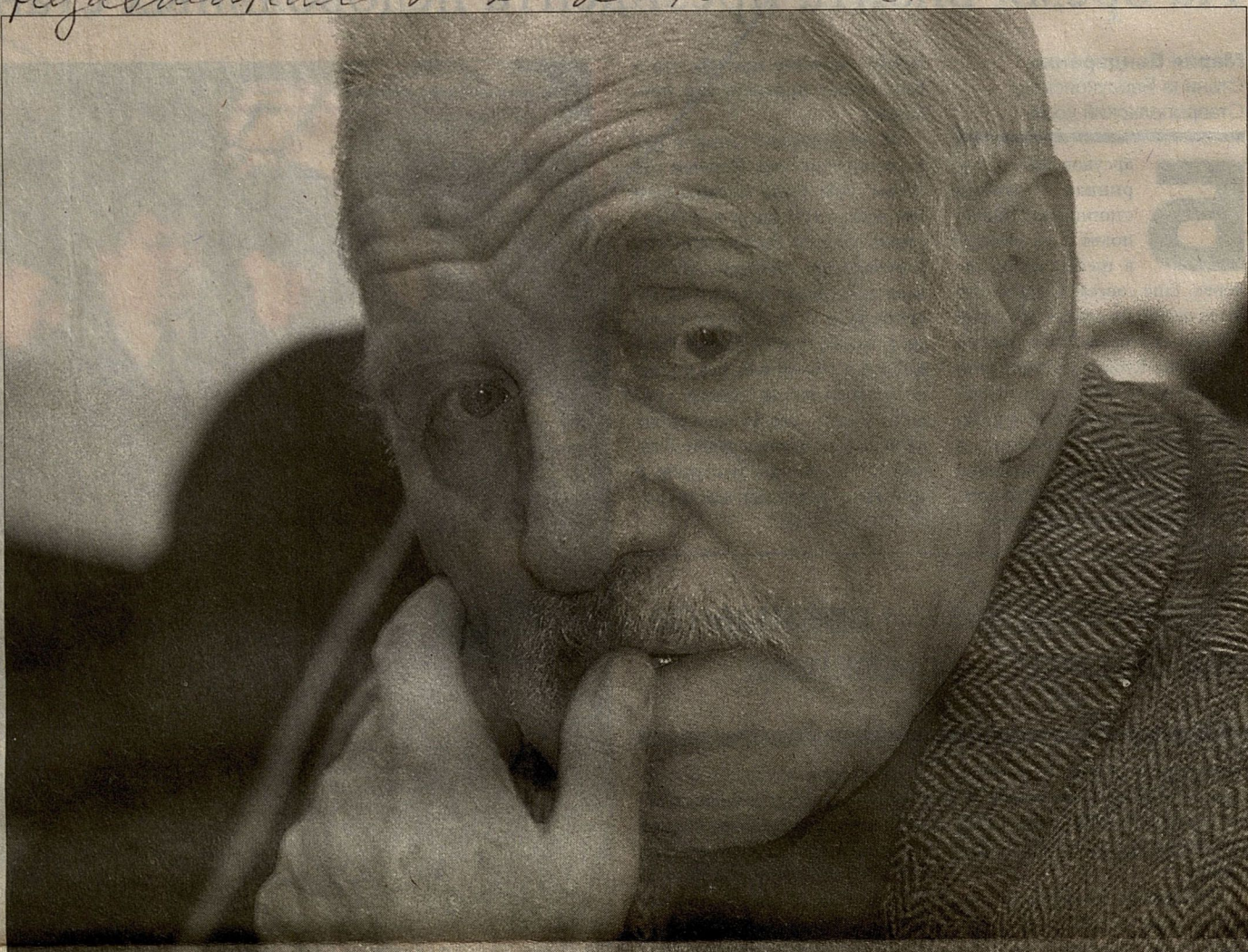
Вера Максимова

Кажется, он сыграл все. Громада ролей колышется, густеет за его плечами, устрашает числом. Там – рабочие и крестьяне, председатели колхозов и директора заводов, секретари райкомов партии, инженеры-реформаторы, которые упрямством и талантом старались одолеть косность гибнущей «системы». Там – исторические деятели и знаменитые революционеры, рядовые солдаты Отечественной войны и маршал Победы Жуков; легендарные герои античной древности, там – люди душевной святости, как Сергей Серегин в «Иркутской истории» – князь Мышкин наших дней, и гении зла, как шекспировский Ричард III. Там – смешные «детские» чудачки и много людей просто хороших.

Единственный из больших актеров нашей сцены, во времена, когда постепенно и трудно открывалась подлинная история русской революции, он «по очереди» сыграл Ленина и Сталина. Казалось, что все герои Ульянова, сочиненные авторами и существовавшие на самом деле, могли быть только такими, какими он их сыграл. И безрукий солдат Председатель, подымавший из военного разорения деревню, за которого Ульянов получил Ленинскую премию и навсегда стал всенародным любимцем. И маршал Жуков – коренастый и мужественный красавец, с резким профилем и беспощадно-властной складкой рта.

За полвека актер сыграл величие, безумие и трагедию русского максимализма (в Ленине, Рогожине, Дмитрии Карамазове), абсолюты веры (в Сергее Серегине и старике Едигее), бездны безверия (в Сталине и Ричарде III), преданность химере-мечте (в революционерах-большевиках) и разочарование в ней, беспощадность суда над собой (революционный моряк-убийца Гайдай), безжалостность осмеяния себя (генерал Чарнота в булгаковском «Беге»); неутолимое и жадное желание жить и стоический отказ от жизни. В его первостроителе Комсомольска балтийском матросе Косте Белоусе пела прекрасная юность наших отцов.

На самом деле все было по-другому. Комсомольцы-первостроители почти все вымерли, вымерзли в тайге, а достраивали город-форпост на Востоке страны пришедшие по льду Амура военные. Деревню не подымали, а разоряли и уничтожали с большой кровью. Но проживший жизнь атеистом, в искусстве Ульянов был человек верующий. Всегда играл по «своей вере» без грана цинизма. Не интеллектуал,

Михаил Ульянов: «Не останавливайся, действуй, работай, и тогда всем нам, может быть, наконец полегчает».

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

не теоретик, а актер тайны и нити, он и тогда многое угадал верно. В корявости революционного матроса Гайдая чудилось и близило моровое поветрие революционной бдительности. В «варшавской истории» москвича, студента, недавнего солдата – победителя Виктора, любовь которого к польской девочке-певнице уничтожает, рвет на части

и там, в профессиональной своей жизни. Оказался нужен в начале 50-х, когда менялось и обновлялось поколение вахтанговских лидеров и великолепная четверка – Гриценко, Яковлев, Ульянов, их «прекрасная дама» Юлия Борисова – выходила на главные позиции. В единственном театре своей судьбы Ульянов нужен, незаменим и теперь.

Яркий и яростный, правдивый, свободный и глубокий, эпический актер-повествователь и актер лицедейства, игры, озорства, фантазма и «чертовщины» на сцене – Ульянов всегда театрален. С красным носом, в шутовском колпаке, отбивая бешеную чечетку, из конца в конец сцены, с лестницей-стремянкой в руках проносится ска-

ной общественной деятельности, он, однако, уже двадцать с лишним лет возглавляет Вахтанговский театр. Старый коллектив существует не только достойно, но время от времени возбуждает надежду – то фоменковскими «Без вины виноватыми», то «Ревизором» литовского режиссера Римаса Туминаса, несовершенным и талантливим, то мощным «выбросом» молодых актеров в больших ответственных ролях, то появлением их же в незавершенном (по организационным, коммерческим, а не творческим причинам), но все равно великолепном мюзикле.

Во многом благодаря Ульянову в его театре не оплывают былых кумиров, не судят хоть и советских, с наградами и орденами, но великих стариков, а сам Вахтангов остается живым, но еще и иконой, Богом, без которых, как известно, театру – нельзя.

Ныне Ульянов бережет свои годы для творчества. Он мало сегодня играет на сцене, зато много снимается в кино. Даже в сериалах дает замечательные художественные результаты. В нынешнюю смуту Ульянов всматривается мужественно, пристально и горько, в искусстве своем, познающем жизнь, идет до конца, сквозь усталость и болезни, без слов, призывая: «Не останавливайся, действуй, работай, и тогда всем нам, может быть, наконец полегчает».

Герои Ульянова, сочиненные авторами или существовавшие на самом деле, могли быть только такими, какими он их сыграл

сталинский закон о «браках с иностранцами», он прочитал трагедию своей страны.

Поколение, к которому он принадлежал, пощадила, не сожгла в огне Война. Его год рождения – 1927-й – был первым, который не призывался. Мальчики, пришедшие вместе с ним в Вахтанговское училище, немногие юноши-фронтовики после госпиталей помнили, что судьба и те, кто погиб вместо них, подарили им жизнь. Можно представить, с какой жадностью, яростью, ненасытностью они учились.

Ульянов, разумеется, был отличник. Остался «отличником»

Прикрепившееся к нему в советские годы определение «социальный актер» недостаточно и лишь в малой степени объясняет его. Он – актер всечеловеческий. Игравший итальянцев, англичан и французов (простого рабочего-парижанина в «Шестом этаже» и великого Наполеона в одноименной знаменитой эфросовской постановке). Он с изумительной, не этнографической, а человеческой, душевной, телесной точностью сыграл еврея Тевье-молочника – философа и добряка, разговаривающего со звездами. И у Чингиза Айтматова сыграл старика киргиза Едигея – молчаливого страдальца за людей с Буранным полустанка.

зочный его полководец Бригелла – «маска» из «Принцессы Турандот».

Нет, он – не «маршал Жуков», даже по скромным театральным меркам. «У вас от маршала только подбородок и нос!» – сказала я ему с досадой, когда, доверчивый до наивности, падкий на влияния, мягкий, не любящий конфликтов, он спасовал перед очередным негодием. И Ульянов не обиделся, а рассмеялся высоким, залившимся, по сию пору невзрослым своим смехом, который сегодня, увы, мы слышим все реже.

«Не Жуков» – полностью отказавшийся от бурной, привыч-

Михаил Ульянов (подпись)

20.11.02